

ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА

УДК 630*7

И. В. Шутов

Шутов Игорь Васильевич родился в 1929 г., окончил Ленинградскую лесотехническую академию, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, главный научный сотрудник СПбНИИ лесного хозяйства, член-корреспондент РАСХН. Имеет более 120 работ в области лесопользования, плантационного лесовыращивания, регулирования состава лесных фитоценозов.

О ЛЕСНОМ ДОХОДЕ РОССИИ*

Низкой доходности современного лесного хозяйства России ставится в пример деятельность дореволюционного Лесного департамента, основанная на торговле лесом на корню. Выражается несогласие с арендой лесов.

аукционы (торги), аренда, рента, Лесной департамент дореволюционной России, экономический эксперимент.

Эта статья – о прошлом и будущем нашего лесного хозяйства, о суммах, которые могли бы ежегодно поступать в бюджет России в виде ее лесного дохода, формируемого в каждом лесхозе, лесничестве, если бы современное экономическое положение лесного хозяйства и его юридический статус не были столь печальны. Высказываемые по этой сложной проблеме точки зрения часто не совпадают, а подчас противоречат друг другу. Поэтому вполне естественно последовать совету китайских мудрецов вернуться мыслью к истокам, к той развилке, где когда-то был взят неверный курс и, опираясь на собственную историю, найти правильный путь в новых социально-экономических условиях [6].

Но сначала нужно четко ответить на вопрос, каким мы хотим видеть лесное хозяйство России.

Согласно учению М.М. Орлова, нашего высшего авторитета в области лесопользования, главными признаками правильно организованного лесного хозяйства являются хорошее состояние лесов, отвечающее определенным критериям, стабильная и высокая доходность хозяйства. Эти признаки неотделимы друг от друга, поскольку при плохом состоянии лесов хозяйст-

* В порядке дискуссии.

во не может быть высокодоходным и, следовательно, не может расходовать достаточно средств на выращивание и охрану своих лесов.

Названные признаки правильного (по формулировке М.М. Орлова) лесного хозяйства были отчетливо видны (где-то лучше, где-то хуже) в лесничествах Лесного департамента России в годы, предшествовавшие I Мировой войне. Теперь, в условиях разномыслия, следует, хотя бы в виде условного образца, рассмотреть тот период деятельности Лесного департамента, реализовавшего в лесах, находившихся в собственности казны, многие идеи М.М. Орлова и его учителя А.Ф. Рудзкого. Знать этот важный фрагмент истории лесного хозяйства России необходимо, чтобы более уверенно выбирать курс в мало знакомом нам море рыночной экономики.

В то время, о котором идет речь, площадь всех лесов России составляла 550, находившихся в ведении Лесного департамента – 366 млн га [15]. О состоянии последних писали много и оценивали их по-разному. Однако нельзя не признать, что тогда при интенсивном строительстве железных дорог, промышленных и гражданских объектов Лесной департамент России, в отличие от соответствующих ведомств США, в основном сберег свои леса (в том числе высокоценные древостои с преобладанием хвойных пород) даже вблизи дорог и городов. В основном это удалось сделать благодаря строгому соблюдению правила постоянства пользования лесом в границах каждой хозяйственной дачи. После заключения Брестского мира, когда Россия осталась без угля и нефти, данное обстоятельство сыграло решающую роль в выживании страны.

Значительно меньше знают современные лесоводы о результатах деятельности Лесного департамента в экономической сфере, что обязывает рассмотреть соответствующие данные более подробно (табл. 1). В пересчете на действовавший тогда золотой эквивалент рубля казенные лесничества принесли в 1913 г. государству чистый доход, равный ценности 49,5 т золота.

Названный уникальный результат нельзя рассматривать вне связи с понятиями «хозяйство» и «лесное хозяйство». Под ведением любого хозяйства понимали целенаправленную деятельность, имевшую своей главной задачей приращение материальных благ и получение дохода. Данное требование относили как к сельскому, так и к лесному хозяйству, обоснованно полагая, что лесоводство есть одна из отраслей растениеводства, отличающаяся от других своими особенностями, в том числе длительным производственным циклом. При всем том однозначно считали, что все хозяйства, так или иначе связанные с землей, должны приносить доход, что в обоих случаях (в поле и в лесу) доходные хозяйства не могут не иметь товарного характера и обойтись без реализации своего товара на рынке.

Как показано в табл. 1, основным товаром казенных лесничеств России были выращенные, сбереженные и отведенные в рубку древостои (лесосеки). Их продавали на открытых аукционах (торгах). Без торгов, по пониженным ценам или бесплатно лес отпускали в рубку только социально слабо защищенным группам населения. На это в 1913 г. было израсходовано

Таблица 1

Показатели	Значение показателей
Общая площадь казенных лесов, млн га	366,4
Число лесничеств	1532
Число выделенных в лесничествах хозяйственных дач, используемых для расчета и организации неистощительного отпуска леса в рубку	12 560
Полученный валовой лесной доход, млн р.	96,2
В том числе, %:	
от продажи отведенного в рубку леса	92,2
от продажи древесины, заготовленной и переработанной своими силами	3,9
от побочного пользования лесом	2,1
за счет других поступлений	1,8
Полученный чистый лесной доход, перечисленный в государственный бюджет, млн р.	64,3
Затрачено средств на ведение лесного хозяйства, млн р.	31,9
Сверх указанного затрачено на проведение лесокультурных работ за счет лесокультурных залогов, выплаченных лесозаготовителями, млн р.	2,2
Произведено лесных культур (посевом и посадкой), тыс. га	85,3
Сырораствующий лес:	
Отпущено, млн м ³	66,4
Оценочная («стартовая») стоимость, млн р.	56,9
Продажная стоимость на торгах, млн р.	77,5
Средняя цена 1 м ³ , р.– к.	1 – 17
Полученная на торгах средняя надбавка, %	36,1
Мертвый лес:	
Отпущено, млн м ³	22,3
Продажная стоимость, млн р.	11,2
Средняя цена 1 м ³ , к.	50
Доход, полученный с 1 га общей площади, к.:	
валовой	26,0
чистый	17,5

Примечания. 1. В соответствии с действовавшим тогда Лесным уставом категорически запрещались перерубы расчетных лесосек в одних дачах за счет других. 2. Валютная ценность рубля соответствовала 0,77 г золота. За 1 р. платили 10 долларов США. В наше время 1 г золота стоит примерно 10 долларов США. 3. Используются источники информации [4, 5, 15, 16].

4,1 млн р., т. е. примерно 4 % валового дохода Лесного департамента [15]. Другие виды доходной деятельности (в том числе хозяйственные заготовки древесины) в казенных лесничествах не запрещались, но имели подчиненное значение. В целом в те годы и содержание, и результаты работы Лесного департамента России во многом определяли высокий общественный престиж и материальный достаток его лесничих. Как подчеркивал М.М. Орлов, лесничего тогда воспринимали как производителя лесных ресурсов [10]. Те-

перь о лесничем чаще говорят как о госслужащем (чиновнике), занятом в сфере лесопромышленного и распределения лесных ресурсов. Сравнивая эти две точки зрения, нетрудно заметить, что во второй из них явно ослаблен творческий элемент. По своей сути она не отвечает самой идее ведения правильного лесного хозяйства, в соответствии с указанными требованиями.

В советский период наше лесное хозяйство потеряло статус товаропроизводящей отрасли. Оно стало постоянно убыточным главным образом потому, что за его счет скрытно дотировали лесопромышленные структуры. Сделано это было просто: лесхозы были принуждены практически даром отдавать отведенные в рубку лесосеки леспромхозам, а те, кроме того, еще были освобождены от уплаты лесокультурного залога, т. е. от расходов по возобновлению леса на вырубленных ими площадях.

В череде прошедших лет центральные и периферийные органы лесного хозяйства РСФСР то упраздняли, то восстанавливали. Таких реформы пережили около двадцати, но ни одна из них не вернула нашей отрасли лес как былой экономический фундамент.

Не продажа, а почти бесплатная раздача лесосечного фонда лесозаготовителям, а также отмена системы лесокультурных залогов ввергли наши лесхозы в состояние нищеты, которую, естественно, не могли компенсировать незначительные ассигнования, получаемые из государственного бюджета. В этих условиях, чтобы выжить и как-то выполнять свои профессиональные обязанности, лесхозы были вынуждены не диктовать лесозаготовителям свои требования к проведению лесосечных работ, а просить их о помощи и развивать свою лесопромышленную деятельность, приносящую хоть какой-то доход. Теперь лесоводов за это не перестают упрекать, но уже, как правило, не вспоминают о людях и причинах, заставлявших лесничих заниматься не своим делом.

В последние годы, в условиях становления рыночных отношений и при наличии уникального опыта успешной работы бывшего Лесного департамента России, наше лесное хозяйство могло бы превратиться в мощный и постоянный источник средств для государственного бюджета. Однако произошло иное. Указом Президента от 17.05.2000 г. Федеральная служба лесного хозяйства России была упразднена. Ее разрозненные элементы, лишенные юридической и финансовой самостоятельности, растворились в различных структурах Министерства природных ресурсов. Таким образом был нанесен сокрушительный удар организационной основе государственного лесного хозяйства России, созданной более 200 лет назад.

С позиций интересов государства содеянное нельзя не считать ошибкой. Вплоть до своих последних дней Федеральная служба лесного хозяйства России сохранила специалистов, вертикальную структуру и работоспособность. Конечно, она нуждалась в экономических реформах, и их проведение было лишь вопросом времени и политической воли. Однако произошло иное. По-видимому, это выгодно определенным лесопромышленным структурам и их лобби в органах власти, заинтересованным в минимизации ограничений при вырубке лесов, не несущим ответственности за фор-

мирование лесного дохода России, не отвечающим за возобновление леса на вырубленных площадях и не заинтересованным в самом сохранении лесного хозяйства как системы, регламентирующей и контролирующей их деятельность. Вольно или невольно, к достижению именно этой цели ведут следующие шаги и заявленные намерения.

1. В статье [1] от имени тогдашнего Минэкономики РФ высказана стратегия развития лесного комплекса, ориентированная на доминирующее (монопольное) положение приватизированных структур лесной промышленности в наших лесах, достигаемое путем организации внеэкономических «организационно-производственных» отношений с органами государственного лесного хозяйства. В качестве образца взаимосвязей лесной промышленности и лесного хозяйства были взяты многие события 1929 г., в том числе происшедшее тогда в первый раз поглощение нашей отрасли лесной промышленностью. Теперь, похоже, Россию подталкивают к тому же.

Критический анализ статьи [1] уже был опубликован в «Лесной газете» [17]. Однако поднимаемый снова вопрос об организационном объединении лесного хозяйства с лесной промышленностью, а по сути дела об административном подчинении первого второй представляется слишком серьезным, чтобы можно было умолчать о последствиях таких решений. Поэтому следует напомнить, что в подобной же ситуации в нашем недавнем прошлом оставленные без независимого контроля и получившие в свое распоряжение практически дармовой лес леспромхозы потеряли стимул к бережному использованию лесосечного фонда (об этом говорили и писали не только лесоводы, но и сам глава Минлеспрома СССР Г.М. Орлов в 1963 г. [9]). Руководствуясь, естественно, только своими интересами, леспромхозы не пошли по пути организации неистощительного лесопользования и планомерного возобновления леса на рубках. Увеличив объемы лесозаготовок сверх допустимой меры, они вырубали все вокруг себя, а затем стали десятками закрываться, бросая добротные лесные поселки, где при иной, экономически обоснованной организации лесопользования и воспроизводства лесов могли бы благополучно жить и работать многие поколения коренных народов России.

Теперь с горечью остается говорить о том, что бесхозяйственное и безжалостное отношение к лесу и людям имело своих апологетов, утверждавших, что брошенные лесные поселки мало что стоили государству, так как «успевали амортизироваться», что образ жизни людей с психологией «перекати-поле» – без постоянного места на Земле – это норма, что само лесное хозяйство нельзя вести в лесах, пока они не вырублены, что после рубки лесов в регионах с развитой инфраструктурой леспромхозы будут перебазированы на Север и Восток (куда и на какие деньги?). Итог такой «политики» известен: спад в работе лесозаготовителей начался еще до перестройки, а потом в лесном комплексе страны произошли обвальные явления.

2. Настойчивое протезирование (особенно со стороны органов власти на местах) сдаче лесов в аренду при явно дискриминационном отноше-

нии к идее продажи отведенных в рубку древостоев на открытых конкурсных торгах. Новый Лесной кодекс (1997) разрешает, как ни странно, и то, и другое. Хотя именно лесные торги (и только они!) позволяют лесному хозяйству войти со своим основным товаром (отведенными в рубку лесосеками) в систему рыночной экономики страны и таким путем приблизиться к балансу интересов производителей и потребителей лесных ресурсов. Для бюджета страны и лесного хозяйства лесные торги, безусловно, выгодны. Выгодны они и для умело работающих сильных лесозаготовителей, поскольку позволяют им легальным образом уйти от конкуренции мелких агрессивных фирм, а также от избыточной опеки чиновников. Возможно, именно поэтому не торопятся пускать в рынок лесное хозяйство.

О сдаче лесов в аренду приходится говорить более подробно, чем о продаже лесосек на торгах. Как известно, аренда – это сдача имущества внаем за плату (ренту). Вид имущества значения не имеет, но в любом случае арендатор несет ответственность за полученное во временное пользование имущество и обязан вернуть его в сохранности. В России и других странах издавна практиковалась сдача в аренду жилья, строений, сельхозземель и т. п. Аренда лесов представлялась делом сомнительным, по причине длительности их выращивания и неизбежных сложностей при оценке хозяйственной деятельности арендаторов и качества возвращаемого ими имущества. Тем не менее в первой половине XIX столетия сдача лесов в аренду была широко испытана в частных лесах Венгрии, Германии и в казенных лесах России. Во всех случаях результат был неудовлетворительным. По этому поводу запись в журнале нашего Министерства государственных имуществ четко гласит: «... Отдача лесов в аренду есть самый дурной и самый дорогой способ управления лесами ... Отдача леса в распоряжение другому лицу, непосредственно не заинтересованному в сбережении его, не может быть обставлена такими условиями, которые ... гарантировали бы сохранность леса» [2]. В наше время аренда лесов широко распространена в Канаде. Изучение ее последствий, предпринятое М.А. Лобовиковым [8], показало, что переданные временщикам-арендаторам леса находятся в худшем состоянии, чем в крупных частных владениях. Так, если лесопромышленные компании в принадлежащих им лесах все же вкладывают средства в лесовыращивание, что позволяет со временем получать больше древесины, то арендаторы в этом просто не видят для себя смысла. Как подчеркивает М.А. Лобовиков, лесоводы и экономисты ряда западных стран не рассматривают указанный опыт Канады как положительный. В то же время различные властные структуры России, отринув отечественный и мировой опыт, распространяют сдачу лесов в аренду.

О масштабах, причинах и следствиях всего перечисленного позволяют судить следующие данные.

В 2000 г. площадь сданных в аренду лесов возросла на 12,4 млн га (18 %) по сравнению с 1999 г. Фактически на этой территории в 2000 г. было отпущено в рубку 51 млн м³ древесины, а через открытые лесные торги только 30 млн м³, несмотря на то, что на торгах за обезличенный 1 м³

древесины от лесозаготовителей получили в среднем 59,9 р., а на сданных в аренду площадях только 17 р., т. е. в 3,5 раза меньше [7]. Убыток от того, что 51 млн м³ древесины был реализован не на торгах, а путем сдачи леса в аренду, составил около 2,2 млрд р.

Кроме аренды и торгов довольно большое количество древесины наши лесхозы продолжают отпускать по решениям местных органов власти бесплатно, по льготным и твердым ценам. Так, в Ленинградской области в 2000 г. при общем объеме платного лесоотпуска 4,7 млн м³, по упомянутым решениям было отпущено 1,3, на переданных в аренду площадях 3,0, а через торги только 0,4 млн м³. Последняя цифра, равная 8,5 % всего платного лесоотпуска, характеризует истинный уровень вхождения лесного хозяйства области в рыночную экономику. Фактически за 1 м³ древесины по указанным трем основным вариантам лесоотпуска в среднем было получено соответственно 36,9; 44,4 и 145,6 р. В связи с тем, что 91,5 % платного лесоотпуска было организовано минуя открытые торги, лесхозы области недополучили более 400 млн р.

Приведенные цифры не могут не вызвать вопроса о том, кому выгодна данная ситуация. Недвусмысленный ответ дал глава лесопромышленного комитета правительства Ленинградской области М.А. Дедов в своем выступлении по Петербургскому каналу телевидения (программа ЛОТ) 22.03.2001 г. Он, в частности, сообщил о намерении его правительства вообще отказаться от проведения лесных торгов, поскольку они способствуют усилению конкуренции (?!). Подобные же аргументы высказывались и раньше, примерно 75 лет тому назад, в конце НЭПа [13]. Логично спросить М.А. Дедова, чьи интересы он защищает от конкуренции теперь?

Еще М.А. Дедов сообщил в своем интервью, что лесов в России очень много, более 1 млрд га. Акцент этих слов ясен: рубить и рубить. Дескать, хватит и на нас, и на внуков, что, к сожалению, совсем не так. Вся покрытая лесом площадь России равна примерно 700 млн га. Это много, однако примерно только на 22 % этой площади можно вести коммерчески выгодную эксплуатацию леса [14]. Поэтому, взяв в расчет площадь именно таких лесов, а также число жителей страны, нетрудно увидеть, что мы в 3–4 раза беднее лесом, чем, например, наши соседи финны, которые очень берегут свои леса.

Нельзя еще не упомянуть о действующем в стране странном правиле: в порядке так называемых рубок ухода разрешено рубить лес, не достигший возраста главной рубки, получать древесину, имеющую вполне реальную коммерческую ценность и при этом вообще ничего не платить собственнику лесов.

В целом о сдаче лесов в аренду можно сказать с исчерпывающей определенностью: это узаконенная парламентом акция, наносящая колоссальный ущерб государству и его лесам. Остановить происходящее расхищение государственной собственности, очевидно, могут только те, кто в 1997 г. принял Лесной кодекс Российской Федерации.

3. Обсуждение в печати, в некоторых комитетах Государственной Думы и в иных авторитетных структурах предложения о финансировании наших лесхозов за счет так называемой ренты, выплачиваемой лесозаготовителями непосредственно лесхозам, вместо существующего теперь примитивного прямого налога в виде лесных податей. По мысли проф. А.П. Петрова [11], минимальный размер рентных платежей должен определяться «исключительно нормативными затратами на воспроизводство и охрану лесов».

Не исключено, что реализация данного предложения позволит хоть немного улучшить финансовое положение лесхозов. Тем не менее, согласиться с ним нельзя по следующим причинам.

3.1. Рента – это доход с имущества (в том числе ценных бумаг, капитала, земли и пр.), не требующий от ее получателя хозяйственной деятельности. В общеизвестном смысле получатели ренты (рантье) – это лица, не занятые общественно-полезным трудом. Ставить рантье и лесничих в один ряд значило бы оскорбить тех, кто своим трудом еще удерживает на плаву наше лесное хозяйство.

3.2. То, что предлагает А.П. Петров, это не рента и не вариант решения задачи по возвращению нашему лесному хозяйству статуса доходного товаропроизводителя. Это вариант обоснования минимального уровня корневых цен путем калькуляции затрат на лесовыращивание, т. е. по его себестоимости. Данный вариант был уместен в недавнем прошлом, но не теперь, когда покупатель древесины на рынке озабочен только ее ценой и качеством, а не объемом и перечнем лесохозяйственных мероприятий, которые были или должны были быть проведены на том или ином участке леса.

3.3. В условиях рыночной экономики нельзя определять продажные цены, опираясь на себестоимость продукции, как это делали недавно. В странах с развитой рыночной экономикой предприниматели устанавливают цены на свою продукцию, руководствуясь отнюдь не ее себестоимостью, а тем максимально возможным уровнем, при котором их продукция может иметь сбыт. Производители сырья или комплектующих определяют цены на свои изделия путем расчета минимально достаточной нормы прибыли в смежных производствах, которая может устроить их партнеров. Почему бы нашему лесному хозяйству не поступать так же, т. е. определять корневые цены на лес как разность между ценой круглых сортиментов древесины на рынке и суммой, состоящей из затрат предпринимателя (в том числе на заготовку, транспортировку древесины и пр.) и его минимально достаточного барыша на вложенный капитал. Именно такой способ определения корневых цен на лес применяли в России более 100 лет назад, и он устраивал всех – лесничих, лесопромышленников и страну в целом, позволяя ей получать высокий лесной доход.

Надо сказать, что не все наши лесоводы и экономисты разделяют мысль о необходимости развития товарно-денежных отношений в лесном хозяйстве. Не все согласны и с тем, что лесное хозяйство вообще должно приносить доход. Одним из аргументов в пользу такой точки зрения явля-

ются известные слова К. Маркса о том, что природные ресурсы не имеют стоимости. Воспринятая когда-то как догма эта идея получила расширенное толкование и привела, в частности, к тому, что лес на корню был приравнен к полезным ископаемым и перестал рассматриваться как товар, имеющий на рынке ту или иную цену. По той же причине из самого нашего лексикона почти исчезли такие ранее понятные всем слова, как «лесной доход», «продажа леса на сруб», «оценочные и продажные цены на лес», «лесокультурный залог», «хозяйственная спелость леса» и др. Вместо них в обиход были введены термины, позволяющие забыть не только о рынке, но и о самой возможности товарно-денежных отношений в нашей отрасли. Печальный итог этого известен. Уместно напомнить, что (по В.И. Далю) «стоимость» – то же, что и «цена» – мера на деньги; цену определяет рынок, а «непродажному коню и цены нет». Добавим: так же, как и лесу.

Как велик может быть лесной доход России в наши дни, если вернуть лесному хозяйству его товарно-денежную суть? Исчерпывающий ответ на этот вопрос теперь дать нельзя, поскольку наше лесоустройство уже забыло, как рассчитывать корневые цены на лес на конкретных территориях. В настоящее время, даже при реализации отведенных в рубку лесосек на открытых торгах, 1 м³ древесины на корню стоит у нас в среднем около 2 долларов США. Это безмерно низкая цена.

Представление о возможной величине лесного дохода составить все-таки можно, если взять в расчет долю платежей за лес на корню в структуре рыночных цен на круглые лесоматериалы, а также существующий и прогнозируемый объемы лесоотпуска. В последние годы указанная доля у нас не превышала 5 % [3], а в дореволюционной России была равна 30 ... 35 %. В наши дни почти на таком же уровне остается этот показатель в соседних странах. Вывод из сказанного очевиден: при неизменном объеме отпуска древесины на корню наше лесное хозяйство (а следовательно, и государственный бюджет) в принципе может получать за нее примерно в 6-7 раз больше денег, чем теперь.

Другой вариант макрорасчета можно сделать, опираясь на данные 1913 г., приведенные в табл. 1. В тот год при объеме отпуска в рубку нашего главного товара – сырораствующего леса, равном 66,4 млн м³, его продажная цена на торгах составила 77,5 млн р., т. е. в среднем была равна 1 р. 17 к. за 1 м³. По золотому наполнению рубля того времени и современного доллара США последняя из названных величин теперь равна примерно 9 долларам США. Соответственно, в наше время при ежегодном отпуске из наших лесов 120 млн м³ древесины ее корневая продажная стоимость может составить 1,1 млрд долларов в год, к которым при исчислении всей суммы валового лесного дохода следует добавить еще примерно 0,2 млрд долларов, получаемых из других источников.

Названная средняя продажная цена за лес на корню (9 долларов США за 1 м³) не выглядит преувеличенной по сравнению с современными ценами на древесину в соседних странах (табл. 2).

Таблица 2

Страна	Год	Место реализации (франко)	Сортименты	Средние цены за 1м ³ , доллары США	Источник информации
Финляндия	2000	Корневые цены (stumpage prices)	Пиловочник: ели и сосны	40...43	[18]
			березы	41...42	
Швеция	1999	У дороги	Балансы: еловые	20...21	[18]
			березовые	13...14	
Эстония	1999	»	Пиловочник ели и сосны	41...45	[18]
			Балансы: еловые	23	
Латвия	1999	»	березовые	23	[18]
			Пиловочник ели и сосны	35...39	
Россия	2000	Финская граница	Балансы: еловые	18	Неофициальные
			березовые	18	
			Пиловочник ели и сосны	38...41	
			Балансы: еловые	18	
			березовые	18	
			Пиловочник ели и сосны	41...47	
			Балансы: еловые	26	
			березовые	27	

Существующие высокие корневые цены на древесину и высокий уровень жизни занятых в лесном комплексе людей в Финляндии, Канаде и других странах с развитой экономикой можно объяснить, в первую очередь, тем, что они практически не ведут торговлю круглым лесом. Так, в 1998 г. в экспортных поставках этих стран круглый лес и изделия из переработанной древесины соотносились примерно как 1 : 99 в валюте и 3 : 97 по массе [18]. У нас в том же году названные величины соотносились как 33 : 67 и 72 : 28. Поэтому сегодня, вкладывая деньги не в переработку древесины, а в увеличение объемов лесосечных работ, лесопромышленники не только обедняют доступные для эксплуатации леса, но и консервируют нашу нищету. Заставить предпринимателей увеличивать инвестиции в деревоперерабатывающую промышленность в наше время можно только при помощи экономических рычагов. Один из них, возможно, самый эффективный – увеличение стартовых корневых цен на древесину при условии обязательной ее реализации на открытых конкурсных торгах. Данная акция, естественно, не может не сопровождаться увеличением цен на круглый лес, реализуемый лесозаго-

товителями на лесосеке или у дороги. Если этого не сделать, в накладе окажутся в основном те, кто выполняет в лесу первую и самую тяжелую часть работы в цепи последовательных превращений деревьев в потребительские товары. Поделиться своими доходами с лесным хозяйством и лесозаготовителями должны, прежде всего, те структуры, которые заняты торговлей древесиной и ее переработкой.

Продажа отведенных в рубку лесосек является главным, но не единственным источником средств формирования лесного дохода страны. Его увеличению может способствовать организация высокопродуктивных целевых хозяйств с укороченными оборотами рубки и ускоренным (плантационным) производством заданных сортиментов древесины по разработанной в СПбНИИЛХе технологии, создание по известным позитивным примерам высокоинтенсивных комплексных агролесопромышленных и агролесохозяйственных хозяйств, проведение лесохозяйственных мероприятий, позволяющих существенно увеличить коммерческую ценность древостоев ко времени их главной рубки, распространение правил платного лесоотпуска на рубки промежуточного пользования лесом и пр. Естественно, что в новых условиях ни один из таких источников средств не должен оставаться в пренебрежении.

На наш взгляд, в сфере управления лесным хозяйством страны следует произвести следующие преобразования.

1. Восстановить федеральный центр государственного лесного хозяйства как вершину вертикальной структуры нашей отрасли. Наделить этот центр и его подразделения на местах хозяйственной самостоятельностью (правовой и финансовой). Обязать их осуществить экономические реформы и затем вести правильное лесное хозяйство, в котором его самоокупаемость, а впоследствии и высокая доходность надежно сочетались бы с благополучным состоянием лесов. Для этого необходимо вернуть лесному хозяйству его товарно-денежную суть. Признать, что основным товаром в лесном хозяйстве являются отведенные в рубку лесосеки и что этот товар подлежит реализации на открытых конкурсных торгах. Незамедлительно отказаться от такого убыточного способа организации лесопользования, как сдача лесов в аренду, наносящего государству ущерб в особо крупных размерах.

2. В качестве хорошо проверенного в нашей стране позитивного примера ведения высокодоходного лесного хозяйства в лесах, находящихся в государственной собственности, принять деятельность бывшего Лесного департамента Российской империи. Рассматривать этот пример как вектор, в направлении которого должна развиваться наша отрасль. Следовать этому вектору в повседневной практике и в законотворчестве, в том числе при разработке проекта нового Лесного кодекса, в основу которого должны быть положены не только ныне действующий кодекс, но и проект Лесного устава, получивший одобрение в комитетах Государственной Думы еще в 1913 г. (в стране с социально ориентированной и успешно работавшей рыночной экономикой).

3. Учитывая разнообразие природных условий в России и глубину происшедших социально-экономических изменений, предпочесть путь последовательных реформ. Использовать отечественный позитивный опыт, полученный, в частности, при реализации Лесоохранительного закона 1888 г. [12]. Тогда этот закон вводили в жизнь не одновременно во всех губерниях и краях, а с растяжкой во времени.

4. Чтобы уменьшить число неизбежных в таком сложном деле ошибок, надо опираться не только на исторический опыт и умозаключения, но и на результаты хорошо спланированных крупномасштабных экономических экспериментов. Их объектами могут быть отдельные лесхозы и субъекты Федерации, в отношении которых на оговоренное время были бы внесены изменения в определенные пункты действующих лесных (и не только лесных) законодательных и подзаконных нормативных документов. Проведение таких крайне важных экспериментов, очевидно, возможно только при поддержке Правительства России и заинтересованных депутатов Федерального собрания.

Общим итогом выполнения изложенных рекомендаций может и должно быть не только хорошее состояние наших лесов, но и появление в годичных бюджетах России весомой строки – «Лесной доход страны».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Большаков Б.* О государственной политике в лесном комплексе России // Лесн. газ. – 2000. – № 49.
2. *Вереха П.* Лесные аренды // Энциклопедия русского лесного хозяйства. – С.-Петербург, 1903. – Т. 1. – С. 1193.
3. *Гиряев М.Д.* О мерах повышения экономической эффективности лесопользования // Лесн. хоз-во. – 2000. – № 2. – С. 2-5.
4. Ежегодник Лесного департамента за 1913 г. – Петроград, 1915. – Т. 1, 2.
5. *Иващенко А.* В кабале у доллара // Лит. газ. – 2001. – № 8.
6. *Казанцев А.* Дао тун // Наш современник. – 2000. – № 9, 10.
7. *Кукуев Ю.А.* Итоги работы Государственной лесной службы МПР России // Природно-ресурсные ведомости. – 2001. – № 5.
8. *Лобовиков М.А.* Проблемы экономической организации лесного хозяйства в США // Лесн. журн. – 1999. – № 5. – С. 107-116. – (Изв. высш. учеб. заведений).
9. *Орлов Г.М.* Лесное хозяйство на высшую ступень // Лесн. хоз-во. – 1963. – № 6. – С. 2-4.
10. *Орлов М.М.* Об основах русского государственного лесного хозяйства. – Петроград, 1918. – 132 с.
11. *Петров А.П.* Доходность лесопользования и реформа управления лесами в России // Новости МИЛХП. – 2000. – № 3, т. 1. – С. 9–11.
12. Полное собрание законов Российской империи, 1888. – СПб., 1890. – Т. 8. – С. 150–155.
13. Соревнование за лес в 1925 году ... // Лесовод. – 1926. – № 2. – С. 38–42.
14. *Страхов В.В.* Русский лес на волнах мирового рынка // Лесн. газ. – 1997. – № 21.

-
15. *Фаас В.В.* Результаты бывшего казенного лесного хозяйства к 1914 году / Комиссариат земледелия. – Петроград, 1919. – Табл. 41.
16. Финансово-кредитный словарь. – 1988. – Т. 3. – С. 76.
17. *Шутов И.В.* О ложных ориентирах в лесной политике // Лесн. газ. – 2000. – № 71.
18. Finnish Statistical Yearbook of Forestry / Finnish Forest Research Institute. – Jyvaskyla, 2000. - P. 160, 161, 334–346.

С.-Петербургский НИИ лесного
хозяйства

Поступила 16.05.01

I.V. Shutov

On Forest Profit of Russia

The activity of forest department before the revolution based on standing wood trade is held as an example for low profitability of modern forestry of Russia. The disagreement with forest lease is expressed.
